

Проблемы дрифтерного лова тихоокеанских лососей

С профессором, доктором биологических наук О.Ф. Гриценко беседует корреспондент журнала «Рыбное хозяйство»

Корр.: В последнее время усилилась критика отечественного дрифтерного лова тихоокеанских лососей, ведущегося по научным программам. Обвинения в адрес дрифтерологов разнообразны, однако самым серьезным является обвинение в том, что дрифтероловы изымают преимущественно нерку – наиболее дорогостоящий вид. На ее долю приходится более 90 % улова, тогда как в природе нерка составляет лишь 30 % биомассы азиатских лососей. Анализ причин такого несоответствия, пожалуй, наиболее подробно изложен в двух статьях Кириллы Маренина «Мистер дрифтер – обманщик и вор», помещенных в газете «Вести» от 9 июня и 10 сентября 2007 г. [www.fishkamchatka.ru]. Вы могли бы прокомментировать эти статьи и ответить на те замечания, которые очевидны и, в принципе, могут быть проверены?

О.Ф. Гриценко: Ответить на замечания, а точнее, обвинения, сделанные в этой статье, я могу. Однако хотел бы обратить внимание на ее заглавие. Оно не делает чести автору. Вор или не вор кто-либо – может установить только суд. Называть до решения суда рыбаков ворами – значит, наносить им моральный ущерб и формировать против них общественное мнение. Будем исходить из того, что рыбак – в первую очередь, труженик, работающий в тяжелых условиях. И если он порой бывает вынужден хитрить, то причина здесь не в какой-то присущей рыбакам порочности, а в том, что чиновники, работающие в комфортных, по сравнению с рыбаками, условиях вынуждают его своими действиями идти на это. Я внимательно читал статьи К. Маренина. В них написано много чего, поэтому я хотел бы для начала разделить поставленную проблему на несколько тем.

Корр.: Если Вам это удобно, то давайте делить.

О.Г.: Сначала я хотел бы высказать свое мнение о дрифтерном промысле как таковом. В большинстве критических высказываний, содержащихся в СМИ, на мой взгляд, эмоций больше, чем здравого смысла. Статья К. Маренина – не исключение. Уже во второй строке статьи читаем: «...большая драма под названием «Дрифтерный промысел»». Нет тут никакой драмы, а есть традиционный, существующий в течение тысячелетий способ лова рыбы. Этот способ лова обвиняют в негативном воздействии на природу. Но скажите мне, какая деятельность человека свободна от такого воздействия. Воздействие на природу самого К. Маренина, как и любого человека, очень негативно. Ведь на месте асфальтированных улиц, по которым он ходит, на месте дома, где он живет, когда-то росла трава и пели птички. Где эта трава, где эти птички и что думает по этому поводу г-н Маренин? Дрифтерным промыслом спокойно занимались и занимаются те, кому это выгодно, а против него выступают те, кому он по тем или иным причинам негоден. Все, как и во всяком деле.

Атака на дрифтерный промысел началась тогда, когда маленькие островные государства стали широко использовать его для освоения живых ресурсов Мирового океана. Это позволяло им решать проблему острейшего дефицита животного белка в питании людей, поднимать свою экономику, что повышало их политическую независимость. Америка спокойно смотрит на такие вещи не может, и посему началось наступление на дрифтерный промысел.

Корр.: Но факт остается фактом – много морских зверей и птиц гибнет в дрифтерных сетях.

О.Г.: Морских зверей на сегодня развелось столько, что, по подсчетам ученых, они съедают лосося примерно столько же, сколько добывают его рыбаки. Морских птиц также не стало мень-

ше. Кстати, они неплохо отъедаются, подбирая отходы промысловых судов.

Корр.: Как, по-Вашему, велико воздействие дрифтерного промысла на современный российский вылов лососей и на их воспроизводство?

О.Г.: Вот это я хотел бы выделить как второй пункт обсуждения. Люди, говоря о таком влиянии, плохо представляют лососей как природное явление, плохо представляют масштабы и связанную со всем этим степень неопределенности. Подавляющее большинство людей, рассуждающих на эту тему, думает, что если в море выловили 1 т лососей, то на 1 т сократится береговой улов или, соответственно, уменьшится количество производителей на нерестилищах.

Корр.: А разве это не так?

О.Г.: К счастью, не так. Рыба гибнет в море в огромном количестве от самых разных причин, начиная с момента ската из рек и вплоть до возврата в реки. Никто не знает, какая судьба ожидает именно эту выловленную тонну. Она может разделить судьбу рыб, погибших от хищников, от болезней, а может зайти в те реки, в те районы, где нет промысла, и попадет в неучтенный улов. Показано, что при современном уровне численности лососей добыча в море 20–25 тыс. т никак не скажется ни на береговом промысле, ни на воспроизводстве. Современный официальный дрифтерный лов (российский и японский) не выходит за эти рамки.

Корр.: В статье К. Маренина высказывается опасение, что если мы лишим японцев квот в нашей ИЭЗ, то они возобновят бесконтрольный лов в открытом океане. Может такое произойти?

О.Г.: Это совершенно невероятно. Япония является членом Северо-Тихоокеанской комиссии по анадромным рыбам и, как таковая, взяла на себя обязательство не только не ловить лосося в открытом океане, но и другим этого не позволять. В случае отказа в выдаче квот на лов лососей в ИЭЗ России возможна другая реакция. Японцы могут увеличить промысел нашего лосося в своей ИЭЗ. Это нанесет нам ощутимый ущерб. Причем, денежную компенсацию за выловленную рыбу Россия получать уже не будет. Так что лучше придерживаться традиционного партнерства.

Корр.: Как Вы относитесь к решению российских властей не направлять инспекторов на каждое японское промысловое судно, а осуществлять контроль со специальных инспекторских судов?

О.Г.: Я не хотел бы останавливаться на этом вопросе, поскольку он вне моей компетенции. Не будем уподобляться старушкам у подъезда, которые безответственно судачат обо всем на свете. Могу только сказать, что такая практика существовала в 60–80-е годы прошлого века. Тогда она себя оправдывала, хотя японских промысловых судов было намного больше, чем сейчас.

Возвращаясь к статье господина Маренина, я хотел бы перейти к следующей позиции: оказывает ли дрифтерный промысел влияние на запасы российских лососей. По тону статьи следует, что оказывает. В частности, автор ссылается на статью, помещенную в газете «Экономика и жизнь» под названием «Лосось вызывает о помощи». В ней опять пишут о вредности дрифтерного промысла. Но помилуйте: дрифтерный промысел стабильно существует не один год, а наши уловы лососей ежегодно растут. В 2007 г. мы получили рекордно высокий официальный улов, а ведь сверх того был улов неофициальный, кроме того, были стада, не обловленные достаточно интенсивно. В лососевом промысле на сегодня много проблем, только проблема спасения лосося в них не входит. Сегодня численность лососей на подъеме. Поэтому

основная проблема – это как можно полнее осваивать запасы, коль скоро судьба нам послала их.

Корр.: Но ведь так будет не всегда, после подъемов численности бывают спады?

О.Г.: Совершенно верно, спад будет. Но ведь спад спаду рознь. Мне, например, ясно, что предстоящий спад будет страшен. Дело в том, что сейчас, как известно, существует промышленное браконьерство в реках. О нем все знают, о нем даже говорят в СМИ, но без трагического надрыва, в отличие от осуждения дрифтерного лова. Браконьерский вылов в реках многократно превосходит вылов дрифтерами. Сейчас мы не чувствуем последствий браконьерства в реках. Не чувствуем, поскольку в океане на сегодня существуют благоприятные условия выживания, компенсирующие уничтожение производителей в реках. Но представьте, что произойдет, когда условия в океане ухудшатся. Рыбы будет возвращаться все меньше, а браконьеры, в силу инерции, еще несколько лет будут стараться ловить, как прежде. В итоге, в море будет попадать мало молоди, а та, что попадет, окажется в неблагоприятных условиях выживания. Предстоящая депрессия воспроизводства тихоокеанских лососей будет иметь более тяжелые последствия, чем предыдущие. По Дальнему Востоку будет нанесен страшный экономический, демографический и, в конечном счете, геополитический удар. Вот в чем на сегодня заключается главная опасность.

Корр.: Мы до настоящего момента рассматривали базовые аспекты проблемы дрифтерного лова. Я хотела бы вернуться к главному обвинению, содержащемуся в статье К. Маренина: к обвинению в том, что дрифтерный промысел – это узаконенное браконьерство, что под прикрытием научного лова происходит специализированный промысел нерки. Как Вы можете объяснить, что в уловах дрифтерных судов почти одна нерка, хотя в природе ее не может быть более 30 %?

О.Г.: Хотел бы остановиться на «узаконенном браконьерстве». Это нелепица вроде треугольного квадрата. Ибо браконьерство – это деяние незаконное, а то, что законно, уже, по определению, не может быть браконьерством.

Давайте вспомним, как все начиналось. Лов лососей в научно-исследовательских целях с использованием коммерческих судов-дрифтероловов изначально преследовал две цели: он должен был давать науке денежные средства для сбора информации о сроках и мощности подходов лососей к районам промысла, а промышленности – прибыль. Так что тут имеются две составляющие. Если судовладелец не выполняет научную программу, то институты не заключат с ним договор на следующий год. И, с другой стороны, если судовладельцу работа по научной программе невыгодна, он сам прекращает занятие дрифтерным ловом.

За 16 лет работ по научным программам у науки и промышленности сложились партнерские отношения. В этой деятельности участвуют 16 компаний при незначительных изменениях в их составе от года к году. Что делают компании для науки? Они ежедневно **составляют (?)** контрольный порядок сетей с ячейей малого размера (55 мм). Улов этих сетей дает адекватное представление о соотношении численности лососей в море. Все суда положенное время работают на контрольных точках. Все суда работают на стандартных разрезах. Все суда выполняют суточные станции для изучения питания лососей. Эта деятельность и дает науке необходимую информацию для оперативной корректировки ОДУ, если в ней возникает необходимость. За годы работы подобная практика дала большую прибавку к улову, стоимостью более 3 млрд руб. Об этом неоднократно писалось. Но у нас хороший тон допускает только брань в адрес дрифтеров.

Корр.: Но ведь среди ученых также имеется отрицательное отношение к дрифтерному промыслу. Я не думаю, что желавший остаться анонимным собеседник г-на Маренина – это его выдумка, а не реальное лицо.

О.Г.: Конечно, реальное лицо, и такой критик, наверняка, далеко не один. Но ведь ученый ученому рознь. Одни ученые используют любую возможность для получения новых знаний, другие используют любые аргументы, чтобы оправдать свою лень, свое нежелание думать. От каждого, как говорится, по способностям. Факты, однако, таковы, что на сегодня уже существует научная

литература, в которой изложены результаты, полученные на дрифтерных судах. По материалам дрифтерного лова защищаются диссертации, публикуются статьи в солидных изданиях, отечественных и зарубежных, делаются доклады на представительных форумах. С другой стороны, сколько российских исследовательских институтов впадают жалкое существование, сколько закрылось проектных институтов. В то же время институты рыбного хозяйства продолжают нормальную работу. Во многом это происходит потому, что в свое время правительство приняло мудрое решение о выделении коммерческих квот на поддержание науки, рыбоохраны и спасательного флота. Кому-то это не нравится. Вот и агитируют против квот, за бюджетное финансирование. Либо сами агитируют, либо находят для этого глубокомысленных простофиль среди ученых, склонных к умозрительности. Стоимость работы 16 судов-дрифтероловов по научным программам составляет 15–20 млн долл. США. Нужно быть очень доверчивым человеком, чтобы рассчитывать на ежегодное получение таких сумм из бюджета на эти работы. Но даже если напрячь фантазию и допустить, что это произойдет, то финансирование из бюджета сильно бюрократизирует отчетность, что отрицательно скажется на исследовательской работе. Работать будет просто некогда.

Корр.: Но ведь установлено, что дрифтерами нерку начинают добывать еще до официального открытия работ по научным программам.

О.Г.: Во-первых, кем установлено? Во-вторых, я не слышал ни об одном случае задержания таких судов и возбуждения уголовного дела. В третьих, какое это имеет отношение к компаниям, входящим в ассоциацию дрифтероловов? Они работают только на основании выданных разрешений. Критики же все валят в одну кучу. Лишь бы было слово «дрифтер».

Корр.: А как же все-таки Вы оцениваете факт практически специализированного промысла нерки?

О.Г.: Нерку стараются поймать потому, что она дорогая. Это вторая составляющая совместной деятельности ученых и рыбаков. Коммерческая. Добывается нерка не в ущерб обязательным научным работам. Ловить преимущественно нерку непросто, но возможно. Не все одинаково могут это. Ведь даже к северу от Курилы, в нерочьих водах, у одних судов нерка составляет более 90 % улова, у других – лишь 70–75 %, а у судов, работающих вдоль Курильской гряды, где нерки мало, ее доля в уловах составляет лишь 50 %. Сам по себе вылов нерки ни плох, ни хорош. Ведь у берегов ее меньше добывать не стали. Наоборот! Береговые уловы нерки растут. Главная претензия в данном случае в том, что преобладание нерки в уловах наводит на мысль о выбросах других видов лососей.

Корр.: Именно так. Выбросы – это грех против Бога и против людей. Особенно, когда выбрасывают такую ценную рыбу, как лосось.

О.Г.: Согласен. Только ведь не нужно рыбаков доводить до греха.

Корр.: А как это можно сделать? Усилить контроль?

О.Г.: Вряд ли это поможет. У контролеров ведь есть семьи, которые нужно кормить. Но можно сделать проще. Не ограничивать величину улова.

Корр.: ...?

О.Г.: Ничего плохого не произойдет. Ведь, по мнению критиков дрифтерного промысла, рыба на палубе сортируется. То есть в неявной форме признается, что вылавливается разная рыба. Но если уж она поймана, то давайте всю ее пустим в дело. Нужно регулировать вылов, определяя количество сетей, сроки и места лова. Пусть рыбаки выставляют такое количество сетей, какое они выставляют сейчас. Ловить-то ведь они будут не больше теперешнего.

Корр.: Я думаю, что такое решение вызовет бурю протеста у природоохранных организаций.

О.Г.: Ничего, переживут. Мы же добьемся полной прозрачности деятельности наших компаний и избавим рыбаков от соблазна. Такая практика регулирования промысла существует во многих странах и успешно работает.

Корр.: Спасибо за то, что нашли время для беседы.

О.Г.: Это Вам спасибо за то, что выслушали.